

Ветер реальности. Кому под силу устоять под его порывами?

Мы сгибаемся, но пытаемся идти вперед. Одни внезапно падают, исчерпав все силы, не способные больше сопротивляться. Другие, оцепенев душой и телом, словно скалы под напором шторма, движутся, не останавливаясь. Третьи учатся. Учатся видеть солнце, даже когда его нет, следить за полетом облаков, угадывать подходящий момент, чтобы сделать следующий шаг; они всегда готовы поймать первый луч света. И согреться им.

На свете нет правых и виноватых. Победителей и побежденных. Мы все пытаемся жить, как умеем. И все появившиеся на этот свет — герои.

Когда мама привезла нас с сестрой в тот квартал, всё уже произошло. Несколькими месяцами ранее. Но многое оставалось неясным. Вернее, самое главное.

Все называли это только так. *Происшествие*. Это случилось в нашем кондоминиуме. В нашем доме.

Мне было восемь месяцев, сестре — четыре года. Маловато, чтобы хоть что-то понимать. Однако в какой-то момент мы догадались: то, как мы живем, не совсем нормально.

В нашем кондоминиуме никогда не отпускали детей во двор одних. Ни другие родители, ни моя мама. Они должны были видеть и слышать нас постоянно. За нами не доверяли присматривать никому из

знакомых взрослых — ни тем, кто жил в том же доме, ни друзьям семьи, ни родственникам. Даже дедушке. Даже бабушке. Мы прекрасно это знали. Некоторые женщины никогда не оставляли детей наедине со своими мужьями, а некоторые мужья — с женами. Некоторые. Не все. Я видела это. И моя сестра тоже. Да все это видели. Не заметить было просто невозможно. Но мы с сестрой не задавались вопросом, почему так. Мы ведь росли в том кондоминиуме с раннего детства.

Школа стояла очень близко. Тем не менее никто из соседских детей никогда не ходил туда один или с друзьями, как это делают любые мальчики и девочки начиная с определенного возраста. Что-то было не так, мы это чувствовали. Но отец ушел из семьи незадолго до переезда. А маме постоянно нездоровилось. Нам с сестрой приходилось думать о множестве разнообразных вещей, так что *происшествие* отодвинулось на второй план.

Я встретила с отцом семнадцатилетней девушкой. В разговоре он упомянул о том, что черной тенью легло на наше детство, походя, мельком. Может, думал, мама нам все рассказала. Но я поняла: ничего случайного в том вселяющем ужас событии не было. Тот, кто его совершил, действовал осознанно, в соответствии с значимыми для него причинами. И потому территория нашего кондоминиума навсегда осталась оскверненной. Некоторые впечатлительные люди полагают, что в таких местах водятся привидения, и называют их проклятыми. Не знаю, правда ли это. Но уверена, дома умеют хранить боль. И любовь тоже.

— Когда ты узнал? — спросила я отца.

— Когда мы собирались подписать договор аренды. — На тарелке перед ним лежал нетронутый кусок пиццы. — Один жилец остановил нас во дворе. Он сказал, что причины *происшествия* еще не ясны и двум маленьким девочкам находиться здесь опасно. «Найдите другое жилье! — убеждал меня он. — Говорю тебе как брату. Пока не поздно».

— А ты? — спросила я.

— Мы торопились с переездом, — тихий голос отца терялся в шуме пиццерии. — Твоя мать чувствовала себя очень плохо. И хотела жить только там, несмотря ни на какие неприятности. Была уверена, что дом ее спасет, — отец сделал ударение на слове «дом».

«А в чем был уверен ты, папа?» Я не стала задавать вопрос.

Отец сделал глоток пива, посмотрел на стакан.

— Я не смог ее переубедить.

«И тогда ты ушел? Бросил ее и нас?»

Я не помню, когда это произошло. Мне казалось, отец оставил нас гораздо раньше, сразу после моего рождения. Вероятно, так мне сказала мама. «Ты бросил нас, потому что мы были в опасности, папа? Настоящий отец никогда так не поступит. Настоящий отец защитит».

Но говорить это было бесполезно. А спрашивать — слишком больно. Его ответ вполне мог уничтожить меня. Мы попросили счет, а перед этим, наверное, в полном молчании, доели пиццу, холодную, упругую, как резина. До последнего кусочка.

Я вернулась домой и ничего не сказала матери. Не хотела причинить ей боль. И не хотела, чтобы ее

ответные слова причинили боль мне. Я не нуждалась в правде. Скорее, в минутах тишины.

Сестра жила отдельно. Но я не смогла устоять — пересказала ей то, что узнала от отца.

— Это случилось в нашем доме! — крикнула я в трубку. — Это могло случиться с нами!

В детстве мы с сестрой помогали друг другу, но потом, постепенно, прекратили общаться. Боль объединяет. Боль разъединяет. Стремление уменьшить боль, разделив ее на двоих, заставило меня позвонить сестре. И еще: слово «происшествие» показалось мне недостойным, принижающим смысл события. Это имело значение даже для нас двоих. Сестра сказала: самые ужасные вещи, причиняющие неутолимую боль, зачастую называют нейтральными словами. Будто это исцелит рану.

— В некотором роде, — добавила она.

Ужасная правда о месте, где прошло наше детство, пробудила мои воспоминания. Конечно, и приятные тоже. Потому что были и приятные. Только от этого стало больнее. Мы всё еще выбирались из-под руин нашего детства. Но мать по-своему любила нас, с этим не поспоришь. Только нам не хотелось вспоминать об этой любви. Ненависти достоин тот, кто причиняет боль, любви — тот, кто делится своим теплом. Но того, кто обрушивает на тебя и добро, и зло, нет сил даже ненавидеть.

Прошлое всплыло из памяти. Моменты радости. И *другие* моменты тоже. И их оказалось гораздо больше. Наверное, нам с сестрой ужасно не хотелось говорить о детстве, поскольку после того телефонного разговора мы больше не общались. Про себя

я стала называть это *происшествием*. Происшествием номер два.

А потом, в какой-то момент, пусть это и покажется невероятным, я забыла обо всем.

Много лет спустя, давно покинув родные места, я прочитала в газете, что в одном из окрестных кондоминиумов с ребенком случилась беда. И, ужасаясь, испытывая гнев и сочувствие, ощутила, что это почему-то очень важно для меня. Я никак не могла забыть о том случае, следила за расследованием. Но что заставляло меня?

Потом я вспомнила. *Происшествие*, такое же происшествие случилось, когда я была ребенком, в моем доме. Как я могла забыть? И почему не сумела вытеснить из памяти сейчас? Я не хотела вспоминать короткий рассказ отца о *происшествии*, не хотела вспоминать свое детство, ничего не хотела вспоминать.

Да только от этого нельзя убежать. Оно настигнет тебя, где бы ты ни прятался. Я не хотела, чтобы прошлое вытащило меня из моей норы. И больше ничего такого не читала, не искала. Несколько лет. Только однажды, когда я позвонила маме, вопрос вырвался сам собой:

— А что ты чувствовала, когда мы были детьми? — «И что изменилось теперь, мама?» — запретный вопрос.

— Что? Не поняла, — сказала она.

— Да ничего, мама.

Но сопротивляться воспоминаниям я больше не могла. И отправилась искать кондоминиум,

репутацию которого запятнало *происшествие*, так похожее на инцидент из моего детства. Выяснилось, что его больше не существует. Остались ржавые ворота в редких пятнах цвета киновари и хилые стены. За ними высились облупившиеся, осыпающиеся здания — когда-то, должно быть, красивого ярко-синего цвета, а теперь облезшие от непогоды — с проржавевшими балконными решетками, кое-где зияющими дырами; окна и двери разбиты, разрублены, как гильотиной; облезлые уличные фонари; мертвая растительность. Земля завалена обломками. Кое-где стены обрушились, из бетона выступила железная броня арматуры. Можно было заглянуть внутрь, в эти строения — такое впечатление, будто жители покинули их в спешке, быстро, не оглядываясь. Будто их застигло землетрясение, война. Или проклятие.

Там была еще небольшая детская площадка — качели и горка, поеденные дождем и временем. А вдалеке — рассыпающийся сарайчик лимонно-желтого цвета. Казалось, можно услышать играющих во дворе детей, различить их голоса, так похожие на наши с сестрой, то набирающие громкость, то затихающие в пыльных завитушках ветра. Я села прямо в дорожную пыль, выплескивая гнев на мать. Вслух. Громко. Она заставила нас жить в жутком месте. Оказалась паршивой матерью. Не смогла спастись сама. Не сумела спасти нас. И потому мы с сестрой, даже повзрослев, не нашли сил хоть как-то помочь ей.

Потом я поднялась, отряхнула штаны, залезла в машину и уехала.

А теперь пришла пора принять решение. Разобраться в той истории. Рассказать ее. Хотя бы для

того, чтобы выцарапать из ее недр то проклятое слово — оно, как сказала сестра, создает иллюзию незначительности события, позволяя ему истаять и согнуться из памяти участников, лишая невинные жертвы малейшего шанса на справедливость, на отмщение. И смею надеяться, отныне никто никогда не назовет ни то, что случилось в моем детстве, ни то, что произошло за киноварными воротами, *происшествием*.

Неужели этого можно добиться, просто написав книгу?

И не только этого.

«Ты, — спросила я себя, — ты ни в чем не виновата?»

О нет. Отнюдь. Я призываю к ответу свое прошлое и себя нынешнюю. Но речь пойдет не только о вине — коллективной или личной, — но и о прощении. Не слишком сложно призвать кого-то к ответственности, но можно еще и попытаться спросить себя и тех, кто тебя любил: разве мы все не достойны прощения?

Прошлое никогда не покинет тебя, оно всегда рядом. И, возможно, в этом есть что-то хорошее.

Работая над романом, я решила изменить некоторые события, названия мест и имена. Но сохранила деталь, от которой до сих пор щемит сердце, — маленький красный браслетик.

Тот, кто несчастен, затягивает в омут своего несчастья и тех, кто ему близок.

Это правда.

Но любовь, даже несправедная, запретная, тоже остается с тобой.

Маленький красный браслетик.

А. Л.

Реальность — самый ловкий из наших врагов. Она атакует те стороны нашей души, где мы ее не ждали и где мы не приготовились к обороне.

*Марсель Пруст.
В поисках утраченного
времени³*

— Бастиан, умоляю тебя, сделай то, о чем ты мечтаешь!

— Мне отец не велел витать в облаках фантазии!

— Назови мое имя! Пожалуйста, назови мое имя! Бастиан! Спаси нас! Спаси нас, пожалуйста!⁴

*Из фильма «Бесконечная
история»*

³ Перевод Н. Любимова.

⁴ Дубляж киностудии им. М. Горького.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Франческа вышла первой. Прикрыла глаза от солнца. Посмотрела на ярко-красные ворота. Свет бил в глаза, мешая что-либо различить, но они точно были там — так человек, встречи с которым ты бесконечно долго ждал, приветствует тебя, раскрывая свои объятия. Франческа улыбнулась.

Она скрылась в салоне черного «Рено сценик» и вытащила из автокресла Эмму, младшую дочь. Едва оказавшись на руках, годовалая малышка с пепельными кудряшками, такими же, как у отца и сестры, сжала ее ладонь. Больше всего на свете она любила играть с пальцами Франчески. Даже ее первым словом был *палец*, других она, кажется, и не знала.

Девочка устроилась в объятиях матери. Та указала на ворота.

— Видишь, дорогая, какие они красивые, красные? — спросила Франческа.

Эмма взволнованно заерзала, словно танцуя. Франческа засмеялась и легонько поцеловала девочку в ухо. Эмма была неотразима. Франческа сжала ее крепче. Сделала шаг к воротам.

Она не могла оторвать от них глаз.

Массимо, ее муж, тоже вылез из машины. Потянулся к задней дверце, открыл ее. И появилась Анджела, старшая дочка. Сначала одна нога на земле, потом другая, кроссовки со звездочками, которые девочка надевала каждый день. Массимо немного наклонился и взял ее за руки, помогая выбраться из салона. *Береги голову.*

Франческа улыбнулась. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы знать, что происходит за спиной: сцена повторялась каждый раз, где бы они ни оказались.

Голосок Анджелы доносился будто издалека, ему вторил мужской голос, который Франческа знала лучше всех голосов на свете: Массимо. Затем муж и старшая дочь подошли к ней. Вот они уже рядом. Франческа взяла дочь за руку. Ее макушка почти на уровне пояса — как быстро она выросла! Их ожидают прекрасные дни, и надо не забыть насладиться ими сполна. Массимо обнял жену за плечи. Все четверо посмотрели на ворота.

Теперь Франческа могла хорошенько их разглядеть: ярко-красные, кажется, что свежевыкрашенные, литые, величественные, всего в нескольких метрах. Неприступные. И она отчетливо видит каждую малюсенькую деталь. Франческа снова улыбнулась — возможно, никогда прежде ее лицо не сияло таким счастьем.

Ее окружало все, что она любила. Идеальный круг: муж, дочери и их новый дом за красными воротами. И в этом доме наконец-то появится шанс осуществить свою мечту. Поработать над книгой.

Он, ее мужчина, отец ее дочерей, сказал, ласково касаясь ее спины:

— Франческа, ты готова?

Она была готова, она никогда не чувствовала себя так хорошо. Новый мир начинался именно здесь. Она нежно прижала к себе Эмму.

— Ну, мы идем? — сказал Массимо, обращаясь к семье, и засмеялся.

Франческа вдохнула воздух последних дней февраля, которые здесь казались весенними, и ответила:

— Идем.

Рука, удерживающая Эмму, немного ныла — слабая тупая боль, фон, напоминающий шум в ушах. На самом деле неприятное ощущение приносило радость: весомое, живое свидетельство существования дочери.

Потому что Франческа была матерью и хотела быть ею больше всего на свете, а матери всегда обнимают своих дочерей.

Анджела устала, потрянула руку Франчески, а потом вырвалась. Вихрем пролетела несколько метров до ворот. С каждым шагом серьезность, которая появилась в ней с тех пор, как родилась младшая сестра, исчезала; Анджела снова превращалась в ребенка, и это было так заметно. Девочка бросилась всем телом на ворота, да так, что отскочила рикошетом назад, но створки даже не пошевелились.

— Первая! — крикнула она, хохоча, и обернулась к родителям, ожидая заслуженной похвалы. Те кивнули, улыбаясь, и впервые за несколько месяцев глаза Анджелы, по-кукольному большие и круглые, перестали строго смотреть на мать и отца, как происходило с пятилетнего возраста. Они сияли от радости.

— Ка-сний.

Франческа недоверчиво посмотрела на Эмму. Детка сказала: «красный». Ее первое слово после «пальца».

— Очень хорошо, дорогая! Красный, да! — и Франческа снова поцеловала ее.

Массимо, нагруженный чемоданами, присоединился к Анджеле у ворот. Повернулся к Франческе. Он никогда еще не выглядел настолько довольным.

Здесь мы будем счастливы.

2

Свободной рукой Франческа дотронулась до красных ворот. Толкнула створку, открывая ее, чувствуя, как та накалилась от солнца. И боль, словно от укуса, внезапно пронзила ее ладонь.

Она отдернула руку от раскаленного металла. Посмотрела на руку.

Кровь, красная, цветом темнее краски ворот, текла по ее ладони к запястью.

Франческа удивленно посмотрела на ранку. Потом прижала ладонь к губам.

Все еще держа Эмму на руках, осмотрела ворота. Ничего. Должно быть, какое-то насекомое. И ранка почти прекратила кровоточить.

— Вы кого-то ищете? — отвлек ее властный голос. Франческа и думать забыла о руке.

С ней заговорила маленькая, очень худая женщина лет шестидесяти пяти, с волосами, собранными в пучок. В руках метла — до этого она подметала двор. Женщина пристально смотрела на Франческу.

И не двигалась с места, словно преграждая путь.

— Мы семья Феррарио, — Франческа протянула было руку, но вспомнила о ранке и отдернула ее. — Новые жильцы.

Женщина смотрела на ее кисть, словно переваривая услышанное. Франческа обернулась за поддержкой к мужу, но тот, как назло, немного отстал. Зато ее догнала Анджела. Прижалась к ноге матери.

— Пусть проходят, Агата.

За спиной сухопарой женщины появился невысокий мужчина с густыми белыми волосами, приглаженными водой или гелем, одетый в голубую рубашку и серые брюки. Услышав его слова, Анджела оторвалась от матери и побежала вперед. Массимо пробормотал приветствие консьержам и торопливо зашагал за ней. Оба, радостно-возбужденные, устремились во двор. Франческа смотрела им вслед.

Невысокий мужчина продолжал изучать ее очень серьезным взглядом, а женщина снова взялась за метлу,

не сводя глаз с отца и дочери. Франческа ждала, сама не зная чего. Затем мужчина приветливо улыбнулся.

— Вы Феррарио, да-да, — сказал он. — Лестница «Б», пятый этаж, квартира восемь. Вы рано, мы ждали вас к полудню. Я Вито, консьерж. Но мы уже встречались. Помните? — он протянул руку. Франческа ответила на пожатие левой рукой. Ладонь мужчины была теплой, мягкой, с неожиданно гладкой кожей.

— Моя жена, Агата, — Вито указал на женщину с метлой.

Агата перестала мести. Кивнула, что означало: добро пожаловать. Вито подошел ближе.

— Какая красивая малышка, — сказал он и взъерошил Эмме волосы.

Та в ответ распахнула глаза и глухо вскрикнула. Она всегда так делала. Поэтому мама и папа в шутку звали ее Психо. Вито продолжал улыбаться.

— Какая темпераментная, — он осторожно убрал руку.

— Она проголодалась... — Франческа смущенно посмотрела на дочь. — Массимо?

Муж вернулся, растрепанный и веселый, в волосах цветы жасмина, которыми посыпала его голову Андже́ла. Старшая дочь свернулась клубочком на клумбе. Франческа улыбнулась.

Кажется, Андже́ла снова почувствовала себя ребенком, каким была до рождения Эммы. Старшая дочь с самого раннего возраста хохотала как сумасшедшая по любому поводу, размазывала яблочное пюре по лицу, рукам, одежде; ее глаза с выпачканными кашей ресницами округлялись, стоило чему-либо попасть в ее поле